

УДК 82.091

АНТИНОМИЯ И ГНОЗИС В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ЮЛИАН ОТСТУПНИК»

Кубышкина В.О.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), e-mail: v4789@yandex.ru

В статье анализируется антиномия как художественный прием в романе Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник». Противоречивость мышления наблюдается в кризисные моменты истории, потому антиномия встречается как в философских исканиях рубежа веков, так и в борьбе философских и религиозных систем первых веков нашей эры. Антиномия в романе Д.С. Мережковского – это не только способ характеристики персонажей, переживающих духовный раскол на заре христианства, но и неотъемлемая часть Истины (гнозиса), обретаемой в синтезе двух противоборствующих систем. Одна из главных идей произведения в том, что обретение великой Правды (гнозиса) возможно через соединение антитез и благодаря всеобщим усилиям единомышленников. Единственная личность не способна постичь Истину целиком – необходима титаническая сила духа, чуждая человеческой природе.

Ключевые слова: русская литература модернизма, гностицизм, философия

THE ANTINOMY AND GNOSIS IN «JULIAN THE APOSTATE» NOVEL BY D.S. MEREZHKOVSKY

Kubishkina V.O.

North-Caucasian federal university, Stavropol, Russia [355009, Stavropol, Pushkina St. 1], e-mail: v4789@yandex.ru

In the article antinomy is analyzed as an aesthetic method in «Julian The Apostate» novel by D.S. Merezhkovsky. The inconsistency of thinking is observed in crisis historical episodes, so the antinomy is encountered either in philosophical searches of boundary of centuries, or in fighting of systems during the first centuries AD. In D.S. Merezhkovsky's novel the antinomy is not only characteristic method of heroes, who experiences spiritual split at the dawn of Christianity, but also an integral part of the Truth (Gnosis), which is obtained in the synthesis of two fighting systems. One of the most major ideas of the writing is that the great Truth obtain (Gnosis) is possible through connection of the antithesis and due to efforts of like-minded people. The only personality is unable to obtain the Truth entirely – there's a titanic power of the spirit needed, which is alien to human nature.

Keywords: Russian literature of modernism, Gnosticism, philosophy

На рубеже XIX–XX вв. человечество настиг духовный упадок, отчаянный поиск новых философских систем, способных объяснить неведомый мир. Открытия в области физики, химии, воображаемая логика Н.А. Васильева, теория относительности А. Эйнштейна и принцип дополнительности Н. Бора – вот крупнейшие события в научном мире, давшие начало зарождению нового, неклассического типа рациональности.

Революционная модель мироздания наложила отпечаток на сознание людей, повлияла на творчество художников. Не случайно В.Я. Брюсов написал стихотворение «Мир электрона», показав, что мельчайшая частица может скрывать в себе невиданную Вселенную.

В этот период трансформации мировоззрения особенно примечательна антиномичность (противоречивость) мышления, позволяющая если не порывать с прошлыми представлениями о реальности, то хотя бы связать их с новыми теоретическими построениями. Гибкость мышления, привлечение взаимоисключающих фактов дает

наиболее полную картину изучаемых явлений, более ценную, нежели традиционные односторонние описания. «Появление антиномии не есть результат субъективной ошибки: оно связано с диалектическим характером процесса познания...» [5, с. 34].

Интересно проследить, как функционирует антиномия в философской мысли поздней античности, пережившей так же, как и в эпоху модернизма, кризис в связи с появлением религиозной картины мира взамен философской.

Цель статьи – описать функцию антиномии в связи с гностической философией в романе Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник».

Итак, ситуацией кризиса, стремлением к Истине, построением альтернативных моделей мира духовные искания первых веков нашей эры очень схожи с переломным моментом XIX – XX вв.

1. К 100 г. в античной культуре складывается постнеклассический период – период самоотрицания мифологии. Например, в Древней Греции мировоззрение строится вокруг двух ключевых образов: Диониса и Прометея. Дионис – бог виноделия, учредитель оргий. «...Экстаз и экзальтация поклонников Диониса создавали у греков иллюзию внутреннего единения с божеством и тем уничтожали непроходимую пропасть между богами и людьми. Бог становился имманентен человеку» [3, с. 98]. Прометей выступает противником мифологии верховного бога Зевса. С окончанием героического века, предшествовавшего началу Троянской войны, Геракл освобождает Прометея, что символизирует «воскрешение титанизма»: в историю входит новый человек, не поклоняющийся силам природы, но одолевающий их своим разумом. «Недаром оба мифа расцвели на заре классового рабовладельческого общества, в период формирования греческой демократической полисной системы» [3, с. 98]. Преодоление пропасти между богом, силами природы и человеком – проявление антиномичного мышления, подтверждающего духовный рост человеческой личности.

2. На фоне изменений в мышлении, демократизации общества возрастает самосознание человека, требующего ответов на вопрос о настоящем порядке вещей. Мифология оказывается бессильной дать исчерпывающее объяснение, мыслители обращаются к иным трактовкам мира. В частности, набирает популярность христианство, утверждающее равенство всех перед Богом и жизнь по законам добродетели.

3. Одни адепты безоговорочно принимают новую веру; другие не торопятся отречься от прошлых убеждений, ищут точки соприкосновения между религией спасения и античной мифологией, подкрепляя свои открытия знаниями из восточной философии (знакомство восточной и европейской культур произошло во многом благодаря завоеваниям

Александра Македонского). Синкретичное учение гностиков стало продуктом поисков истины в начале эры.

4. Несмотря на разнообразие школ и направлений, гностическое религиозно-философское учение можно унифицировать, выделив наиболее общие принципы. Можно убедиться, как работает антиномия в каждом гностическом мотиве. Во-первых, в противовес христианскому представлению (о Яхве – ветхозаветном творце мира, являвшемся пророкам), гностики считали, что мир несовершенен, так как создан ложным богом – Демиургом, не подозревающим о существовании трансцендентного Бога-Отца в обособленной от людей сверхбытийной сфере. Во-вторых, если христианство призывало вести благообразную жизнь, чтобы войти в Царство Небесное, гностики называли тело темницей души и высшей ценностью провозглашали освобождение духа в плерому (космическую родину). В-третьих, сторонники христианства ожидают Страшного суда над всеми грешными и праведными, гностики обращены в прошлое – для них важна память о вселенской драме, связанной с падением Софии в кеному. Таким образом, мыслители древности переработали символику и образы зарождающейся религии в русле мифологического мышления, создав противоречивое учение. Гнозис как высшая ценность и цель учения должно было открыть освободившемуся духу правду о мире во всей полноте и антиномичности.

«Юлиан Отступник» – первый роман трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». Само название трилогии указывает на антиномию, диалектический процесс исторического развития.

Антиномичность творческого метода писателя исследовалась в работах и статьях Л.А. Колобаевой, А. Ханзен-Леве, З.Г. Минц и др. В нашем случае антиномия изучается вместе с гностическими мотивами для получения наиболее полного представления об идейно-содержательной части произведения. Антиномичными были и философские искания автора.

Д.С. Мережковский вместе с супругой З.Н. Гиппиус создали учение о трехфазовой истории развития человечества. Три фазы намечают вехи трех царств: Ветхого Завета, Бога-Сына (Иисуса Христа, Новый Завет) и Духа Святого, царство Бога. Третье царство ждет своего утверждения в будущем. По мысли Н. Богомолова, «Царство Ветхого Завета открыло Божью мощь и власть как правду; царство Нового Завета открывает правду как любовь, а царство Третьего Завета откроет любовь как свободу <...>, разрешит все существующие неразрешимые антитезы — пол и аскетизм, индивидуализм и общественность, рабство и свобода, атеизм и религиозность, ненависть и любовь» [1].

«Антитезы» мироздания являются очевидным доказательством отсутствия в мире гармонии и упорядоченности. Личность проецируется в эту тройственность и выходит в трех ипостасях: 1, 2, 3. 1 – это олицетворение «Я», лишенного связей с внешним миром, 1

воспринимается как символ одиночества, замкнутости, отчуждения, индивидуализма, которым тяготится «Я», но которое воспевается в стихотворениях современников символистов, выдвигается ими как жизненное credo. В 2 видится союз двух людей, любовь их идеальна и возвышенна, лишена «сладострастия» и «похоти». Союз интерпретируется в первую очередь как духовное единение цельных и нераздельных личностей. Высшая ступень такой любви достигается при появлении Третьего – Бога, скрепляющего узы небесной любви между двумя живущими на земле.

Если двойственность может допускать противоречие, то появление третьего элемента в системе устраняет борьбу сил, вносит в союз гармонию. Происходит перемирие божественного и человеческого, духа и плоти, о чем свидетельствует поздняя древнегреческая мифология.

В романе размытость религиозно-философских утверждений, ситуация брожения умов обозначается с первых страниц: «Кабатчик клялся и Моисеем, и Диндименой, и Христом, И Геркулесом, что вино превосходное...» [4, с. 19]. Император Констанций утвердил христианскую религию, окруженный в глазах народа божественным ореолом.

«Праведный» император, боясь соперников, убил родного дядю, а Галла и Юлиана – сыновей дяди – заточил в замке. Жажда власти любой ценой противоречит образу милосердного правителя. Христианство для подрастающего Юлиана становится не просто новой религией, но маской лицемерия, а Констанций – безрассудным и жестоким устройтеlem страшного мира лжи. Не случайно на Соборе старик произносит: «Антихрист уже победил. Антихрист – Констанций! <...> ты – убийца не человекoв, а самой Любви Божественной!» [4, с. 113].

В сознании сына Константина с ранних лет соединяется языческое и религиозное мироощущение – автор демонстрирует это через введение двойственных характеристик героев-учителей: рабыня Лабда, будучи «набожной христианкой», читала молитвы попеременно с языческими заклинаниями, Мардоний рассказывал о Гомере и античных философах, а Евтропий толковал места из Священного Писания.

«Тоска по Элладе» заставляла Юлиана черпать знания у эллинских мудрецов. Ключевую роль в становлении мировоззрения мальчика сыграл теург Ямвлик. «Знаю. Ты ищешь и не находишь. Не имеешь силы сказать: Он есть, — и не смеешь сказать: Его нет» [4, с. 55]. Богоискательство героя – это не только формирование сознания, но и поиск справедливости, Истины, которая поможет ему расквитаться с убийцей отца. Юлиану предстоят непростые испытания: сначала обрести истинного Бога (заявить, что Он есть), а потом понять Его сущность.

На первом этапе богоискательства (решить дилемму, есть ли Бог или Его нет) герой вспоминает слова Ямвлика: «Надо, чтобы все умолкло в душе, все небесные и земные голоса. Тогда мы услышим Его... Пока сияет разум и, как полуденное солнце, озаряет душу, мы остаемся сами в себе, не видим Бога. <...> Он только является. Вот Он. Он – отрицание мира, отрицание всего, что есть. Он – ничто. Он – все» [4, с. 56].

Христианин обретает Бога через веру, особый нравственный порыв; для гностика важна обращенность в себя, духовная просвещенность, мудрость, чуждая разумности. Гностик ищет знание, которое постигает его божественный дух. Молчание души освобождает от всех земных связей, заглушает отголоски внешнего мира, и в пустоте (кеноме), где когда-то зародился мир, открывается Бог. Антиномия пустоты и явленности восходит к гностическому учению Василида, согласно которому все идеально в потенциале, а не конкретно-чувственном воплощении. Это противоречие находит отражение в романе: «Зла нет, тела нет, мира нет, если есть Он. Или Он, или мир. Нам кажется, что есть зло... Это – призрак, обман...» [4, с. 56]. Интерпретируемый гностиком мир выглядит как бинарная структура, утроенная парадоксальным образом: чувственный мир, созданный в абсолютной пустоте (кеноме), – ложен, истинный (заполненный зонами, плерома) – трансцендентен.

Устранение противоречия между ложным и истинным достигается введением тезиса: «У всех – одна душа... Все мы вместе покоились некогда в лоне Отца, в свете немерцающем» [4, с. 56]. Откровение о единстве с Предвечным пробуждает память о космическом происхождении, прошлое оказывается важнее настоящего, потому Юлиан, повзрослев и свергнув Констанция, пытается вернуть языческий культ. Возвращение к истокам жизни кажется справедливее, нежели новая религия тирана.

Другой момент богоискательства Юлиана – образ Бога. Автобиографический эпизод в церкви, введенный автором в роман, показывает два образа, открывшихся Юлиану: арианский образ Христа, строгий и пугающий, и образ Пастыря Доброго, казавшегося земным, человеческим и оттого близким.

Противоречия, одолевающие Юлиана, разрешает иерофант Максим: «Соедини, если можешь, правду Титана с правдой Галилеянина, — и ты будешь больше всех рожденных женами на земле» [4, с. 74]. Максим провозглашает ведущий антиномичный принцип соединения противоречий: с устранением извечной борьбы духа и плоти, божественного и человеческого, целого и части, пустоты и полноты мир обретет абсолютную и первозаданную гармонию (как в Царстве Третьего Завета Мережковских). По Платону, целостность бытия нарушается появлением различий по признаку пола, которые в поздних учениях преодолеваются в идеальном образе Христа, являющего собой андрогинную сущность. В

романе «Юлиан Отступник» вслед за гностиками проводится мысль о том, что идеальный мир придет с примирением язычества и христианства.

Но Юлиан выбрал поклонение Богу Солнца, возвратив язычество и уничтожив всякое напоминание о предшествующем правителе. Объявив войскам о новой вере в Митру-Гелиоса, он услышал: «Антихрист!»

Отсутствие надежных соратников у Юлиана объясняется жадной обществу двигаться вперед. Не примирился противоречий, император потерпел крах, возвратил народ в первозданное состояние, кажущееся им пережитком прошлого.

Антиподом Юлиана в романе выступает художница Арсиноя, мятежная язычница, ставшая христианкой. Последняя встреча героев – борьба двух «полуправд» (З.Н. Гиппиус), соединение которых дало бы новое свободное сознание. Девушку мучает внутренний конфликт – разум не дает ей всецело покориться и поверить в Бога. Не зря называет она разум «дьяволом», выстраивающим связи между чувственным и духовным миром. «Сильны только те, кто, видя одну истину, слепы для другой. Они вас победят – двойственных, мудрых и слабых...» [4, с. 211].

Слова Арсинои оказались пророческими: храм Аполлона сгорел, знаменуя падение язычества. Поражение Юлиана – не столько проявление духовного несовершенства, сколько невозможность простого человека связать две глобальные истины, не случайно Ямвлих говорил: «Разве они смеют знать? С них довольно и шелухи мудрости: ядро почти для всех смертельно» [4, с. 55]. Истина может быть убийственной для человеческой сущности. Личность не способна разрешить антиномию двух Правд, однако примирение земли и неба могло бы быть осуществлено силами человечества.

Таким образом, гностическая антиномия, предполагающая устранение противоборства духа и плоти, христианства и язычества, добра и зла, нашла отражение в учении Д.С. Мережковского о Царстве Третьего Завета и романе «Юлиан Отступник».

Список литературы

1. Богомолов Н. Любовь – одна (О творчестве Зинаиды Гиппиус) URL: <http://www.belousenko.com> (дата обращения: 13.09.1015).
2. Йонас Г. Гностицизм. – СПб: Лань, 1998.
3. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996.
4. Мережковский Д.С. Смерть богов. Юлиан Отступник. – М.: Худож. Лит., 1993.
5. Философский словарь/ Под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 7-е, перераб. и доп. – М.: Республика, 2001.

Рецензенты:

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой культуры русской речи
Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь;

Егорова Л.П., д.фил.н, профессор, ведущий научный сотрудник Института повышения
квалификации ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.